

Сифилис в зеркале мировой литературы

Завгородняя Н. И.

Харьковский национальный медицинский университет

СИФИЛІС У ДЗЕРКАЛІ СВІТОВОЇ ЛІТЕРАТУРИ

Завгородняя Н.И.

Наведено приклади опису в російській та світовій літературі однієї із найвідоміших венеричних хвороб – сифілісу. На прикладах творів Гі де Мопассана, М. А. Булгакова та О. І. Купріна розглянуто особливості патології в історичному та соціальному контекстах.

SYPHILIS IN THE MIRROR OF WORLD LITERATURE

Zavgorodnia N.

The examples of describing one of the most famous sexually transmitted diseases – syphilis in the Russian and world literature are presented. The features of the pathology in the historical and social contexts are demonstrated by the example of Guy de Maupassant's, Bulgakov's and Kuprin's literary works.

Шарль Бодлер, Джеймс Джонс, Роберт Шуман, Оскар Уайльд, Поль Гоген, Винсент Ван Гог, Франц Шуберт, Бенвенуто Челлини, Фридрих Ницше, Альфонс Додэ, Гаэтано Доніцетти, Йоганн Вольфганг Гете, Гюстав Флобер, Ги де Мопассан, Джон Обри... Их объединяет не только талант от Бога, но и болезнь от дьявола: для всех в разные периоды творчества и на разное время жизни верным спутником и опасным врагом стал сифилис.

Сифилис разрушил души и тела сотен известных и миллионов неизвестных искателей светлых чувств и грязных наслаждений. Страшная болезнь, ниспосланная Венерой, становилась предметом не только научных исследований, но и литературных опытов, многие из которых, по праву, составляют сокровищницу русской и мировой литературы.

Даже собственное название болезнь получила с легкой руки врача, а по совместительству – поэта и астронома Джироламо Фракасторо, который в 1530 г. в Вероне написал поэму о пастухе по имени Сифилус, наказанном богами за дерзкие упреки в их адрес страшной болезнью половых органов («*Syphilis sive de morbo Gallico*») [1]. А термин «люэс» (от лат. *lues* – зараза) по отношению к сифилису впервые употребил французский писатель, один из величайших европейских сатириков-гуманистов эпохи Ренессанса, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле.

Ги де Мопассан, заразившийся сифилисом в 1877 г. и впоследствии погибший от последней его стадии – прогрессирующего паралича мозга, бравадно заявлял: «*У меня сифилис, а поэтому я уже не боюсь подцепить его*». Болезнь забрала у него зрение, лишила волос, наградила сильнейшими головными болями, а впоследствии – и

галлюцинациями. Оставаясь оптимистом и жизнелюбом, Мопассан не только шутил с друзьями, не раз повторяя: «*Наконец-то у меня настоящий сифилис, а не жалкий насморк*», но и оставил ряд произведений, связанных со своим недугом. Среди них – рассказ «Койка № 29» [2].

Главный герой рассказа – капитан Эпиван – мужчина не только в высшей степени красивый, но и в не меньшей мере себялюбивый: «*Это был действительно красавец-гусар. И поэтому он постоянно рисовался, выступал спесиво, всецело занятый собой, гордый своими ляжками, талией, усами... Он презирал решительно всех, но в его презрении было множество оттенков*». Одним из привычных проявлений гусарского себялюбия являлась безудержная страсть капитана к женщинам, которая, впрочем, была направлена в продолжение всего рассказа всего на одну женщину – красавицу и покорительницу мужских сердец – Ирму: «*Больше года носился он со своей связью, щеголял ею по всему Руану, выставял ее напоказ, словно захваченное у неприятеля знамя. Ему казалось, что благодаря этой победе он вырос, зная, что ему завидуют, он чувствовал большую уверенность в будущем*». Однако внезапно начавшаяся война разлучила мечты влюбленной пары и заставила капитана покинуть любимую. Как выясняет вернувшийся с фронта герой, Ирма оказывается больной и находится в больнице. Капитану становится известно уже там, что у женщины найден сифилис.

Хотя Мопассан избежал в своем рассказе подробных описаний внешности больной, сама обстановка больницы, мелкие, на первый взгляд, малозначимые детали, нарисованные рукой талантливой художника, погружают читателя в атмосферу ужаса и безысходности, царящих в

палате, на дверях которой висит табличка всего с одним коротким словом – «сифилис»: *«В этой обители нищеты, страдания и смерти капитану уже с самого порога стало не по себе. Его сопровождал санитар. Чтобы не шуметь, капитан шел на цыпочках по длинным коридорам, в которых стоял противный запах плесени, болезней и лекарств. Глубокую тишину больницы лишь изредка нарушал чей-то шепот... Вдруг проводник остановился возле одной из этих густонаселенных палат. На двери виднелась крупная надпись: «Сифилис». Капитан вздрогнул и почувствовал, что краснеет. У двери, на маленьком деревянном столике, сиделка готовила лекарство».*

«Особое» отношение к подобному рода пациентам Мопассану удается продемонстрировать с помощью удачного замечания, касающегося реакции доктора на визит героя к больной женщине: *«Врач, продержав красавца-капитана некоторое время в приемной, выдал ему наконец разрешение, но попрощался с ним сухо и поглядел на него укоризненно».*

Оберегая читателей от медицинских подробностей поражения тела во время болезни, писатель ограничивается общими указаниями об изменениях, прошедших со времени последней встречи молодой пары, которых, тем не менее, вполне достаточно, чтобы представить влияние «подарка Венеры» на красоту и здоровье молодой особы: *«В постели произошло резкое движение, и затем показалось лицо его возлюбленной, но до того изменившееся, до того усталое, до того исхудавшее, что он его не узнавал».*

Энергетика стыда, порока и страха, наполняющая палату, мгновенно захватила в свой плен и офицера: *«Другие больные разглядывали его, а он, казалось, слышал запах гниения, запах разлагающихся тел и позора, витавший в этой палате, полной проституток, пораженных мерзкой и страшной болезнью».* И прежде такая желанная и любимая женщина превратилась в источник опасности и скверны: *«При мысли о поцелуе по телу капитана пробежала дрожь отвращения и ужаса».* История Ирмы стала поводом для насмешек над капитаном, который более не желал видеть все ужасы моральной и физической агонии и ограничился только лишь последним визитом к умирающей по настоятельной просьбе священника: *«Он и сам уходил, почти убежал, шагая крупным шагом меж двух рядов коек, где копошились сифилитички. И ему слышался преследующий его хриплый, свистящий голос Ирмы»...* Как известно, хрипота (осиплость *raucedo*), а в запущенных случаях

и полная афония также является характерным признаком сифилиса и обусловлена локализацией сифилитических папул в области гортани и на голосовых связках.

Уже в начале XX века русский писатель А. И. Куприн, чье жизненное кредо составлял девиз *«видеть все, знать все, уметь все и писать обо всем»* с поразительной достоверностью и отточенной до мельчайших подробностей реалистичностью описал жизнь, бурлящую по обе стороны рядового публичного дома провинциального города Российской империи. Обличительная речь Куприна, высмеивающая и презирующая, беспепелляционная и обличающая, осуждающая и унижающая оставляет глубокий грязный и горький осадок, от которого так хочется вымыть руки... Не последнюю роль в создании атмосферы беспросветной грязи и ужаса сыграло изображение картин сифилитического поражения – профессиональной патологии жриц любви начала XX века. Уже с первых страниц повести Куприн предсказывает читателю встречу своих героев со всеми ужасами венерического недуга. Упоминание маленьких деталей внешнего облика женщин объясняет читателю, с кем предстоит встреча на страницах повести писателя: *«женщины, одетые в цветное ситцевое тряпье или в матросские костюмы, по большей части хриплы или гнусавы, с полупровалившимися носами, с лицами, хранящими следы вчерашних побоев и царапин и наивно раскрашенными при помощи послуенной красной коробочки от папирос»* [3]. Появление своеобразной седловидной формы носа, его западение при сифилисе объясняется поражением костей носа третичными сифилидами (гуммами или бугорками), что и вызывает западение или прободение костной части носовой перегородки. Одна из главных героинь повести – публичная девка Женька, сообщая своей подруге о том, что ей удалось обнаружить у себя первые признаки болезни говорит: *«... бог мне послал особенное счастье: у меня болит там, где, пожалуй, никакому доктору не видать...».*

Позднее Куприн подробно описывает течение заболевания у одной из обитательниц публичного дома:

«Она [Женька] широко открыла рот и поставила огонь так, чтобы он освещал ей гортань. Коля поглядел и отшатнулся.

– Ты видишь эти белые пятна? Это – сифилис, Коля! Понимаешь – сифилис в самой страшной, самой тяжелой степени».

В беседе с еще неопытным, молодым юнкером Колей Женька с ужасом и отвращением расска-

зывает о том, что ждет несчастного человека, заразившегося смертельной болезнью. Куприн упоминает о высокой контагиозности *Treponema pallidum*, об опасности, которую представляет больной для окружающих (как при половом, так и при бытовом контакте), упоминает о возможности развития заболевания внутриутробно и указывает проявления врожденного сифилиса. Несмотря на то, что писатель ограничивается общими моментами и не утруждает читателя медицинскими подробностями, именно такое, упрощенное видение заболевания и создает нужный автору эффект безысходности и обреченности:

«— А ты не слышал когда-нибудь, что это за штука болезнь, которая называется сифилисом?

— Конечно, слышал... Нос проваливается...

— Нет, Коля, не только нос! Человек заболевает весь: заболевают его кости, жилы, мозги... Говорят иные доктора такую ерунду, что можно от этой болезни вылечиться. Чушь! Никогда не вылечишься! Человек гниет десять, двадцать, тридцать лет. Каждую секунду его может разбить паралич, так что правая половина лица, правая рука, правая нога умирают, живет не человек, а какая-то половинка. Получеловек-полутруп. Большинство из них сходит с ума. И каждый понимает... каждый человек... каждый такой зараженный понимает, что, если он ест, пьет, целуется, просто даже дышит, — он не может быть уверенным, что не заразит сейчас кого-нибудь из окружающих, самых близких — сестру, жену, сына... У всех сифилитиков дети рождаются уродами, недоносками, зобастыми, чахоточными, идиотами. Вот, Коля, что такое из себя представляет эта болезнь!».

Поразительно, что и героиню Куприна, и героиню Мопассана объединяло страстное желание использовать свою болезнь в качестве оружия против ненавистных, в силу разных причин, мужчин. И если проститутка Женька таким образом пыталась отплатить за годы унижений и страданий, то Ирма выполняла свой патриотический долг и, в меру своего понимания, пыталась помочь французской армии в борьбе с прусскими захватчиками.

Писатель и врач, получивший бесценный и интереснейший опыт во время работы в качестве земского лекаря, М. А. Булгаков посвятил сифилису один из рассказов цикла «Записки юного врача» [4]. Рассказ «Звездная сыпь» повествует о напряженной и не всегда успешной борьбе молодого доктора с опасной патологией и с невежеством, окружающим постыдное и неприятное заболевание. Рассказ Булгаков на-

чинает со случайного выявления у пациента, обратившегося с жалобами на охриплость голоса, признаков сифилиса:

«„Это он! Чутье мне подсказало... Это он, сифилис“, — вторично мысленно и строго сказал я. В первый раз в моей врачебной жизни я натолкнулся на него, я — врач, прямо с университетской скамеечки брошенный в деревенскую даль в начале революции... На сифилис этот я натолкнулся случайно. Этот человек приехал ко мне и жаловался на то, что ему заложило глотку. Совершенно безотчетно и не думая о сифилисе, я велел ему раздеться, и вот тогда увидел эту звездную сыпь».

Булгаков-писатель уступает Булгакову-врачу возможность описать и морфологию элементов сыпи, и алгоритм диагностического поиска, приведшего к правильному диагнозу: «Человек повернулся так, как я этого хотел, и свет керосиновой лампы-молнии залил его желтоватую кожу. Сквозь эту желтизну на выпуклой груди и на боках проступала мраморная сыпь. „Как в небе звезды“, — подумал я и с холодком под сердцем склонился к груди, потом отвел глаза от нее, поднял их на лицо». И далее: «Я сопоставил хрипоту, зловещую красноту в глотке, странные, белые пятна в ней, мраморную грудь, и догадался. Прежде всего, я малодушно вытер руки сулемовым шариком, причем беспокойная мысль — „кажется, он кашлянул мне на руки“, — отравила мне минуту. Затем беспомощно и брезгливо повертел в руках стеклянный шпатель, при помощи которого исследовал горло моего пациента. Куда бы его деть?.. Я заставил пациента раздеться еще больше и нашел заживающую уже первичную язву». Автору удается естественно и непринужденно подавать профессиональные описания, не уменьшая их литературного достоинства, что, к примеру, демонстрируется описанием часто встречающейся в практике подробности, когда молодой врач, опасаясь заражения, проявляет брезгливость и чрезмерную тщательность личной гигиены.

Герой рассказа, вовлеченный в проблемы несведущего сельского населения, начинает активно искать признаки сифилиса у пациентов, параллельно пытаясь разъяснить всю опасность и коварство «звездной сыпи». Не смотря на окружающее молодого доктора неприятие его методов и явное неуважение к его профессиональной деятельности, герой не собирается сдаваться: «Плохо лечит. Молодой. Понимаешь, глотку заложило, а он смотрит, смотрит... то грудь, то живот. Тут делов полно, а на боль-

ницу полдня. Пока выедешь, – вот те и ночь. О, Господи! Глотка болит, а он мази на ноги дает». С еще большей активностью врач принимается за лечение молодой женщины, подозревающей, что она заражена опасным недугом. С особенным тактом и вниманием Булгаковым передана процедура осмотра больной, отвечающая всем деонтологическим требованиям даже в современной медицинской деятельности: «Я позвал акушерку Пелагею Ивановну, втроем мы уединились в отдельной палате, где было гинекологическое кресло... Это был и один из самых внимательных осмотров в моей жизни. Мы с Пелагеей Ивановной не оставили ни одной пяди тела. И нигде и ничего подозрительного я не нашел... Мы еще несколько минут шептались с женщиной о разных сроках, о разных интимных вещах, и женщина получила от меня наказ ездить в больницу».

Прекрасно понимая, каким представляется для молодой женщины опасность заболеть, Булгаков с искренним участием описывает ее состояние: «Теперь я смотрел на женщину и видел, что это человек, перешибленный пополам. Надежда закралась в нее, потом тотчас умирала. Она еще раз всплакнула и ушла темной тенью. С тех пор меч повис над женщиной. Каждую субботу беззвучно появлялась в амбулатории у меня. Она очень осунулась, резче выступили скулы, глаза запали и окружились тенями. Сосредоточенная дума оттянула углы ее губ книзу. Она привычным жестом разматывала платок, затем мы уходили втроем в палату. Осматривали ее».

Безапелляционно точными и актуальными до настоящего времени звучат слова писателя и врача Булгакова, который устами своего героя определил причину, в которой кроется основная опасность сифилиса в частности и всех венерических заболеваний вообще – отсутствие понимания их истинного влияния на организм человека и его здоровье, угрозы, которую несет в себе болезнь, дарованная Венерой: «Я расточал бесчисленные кило серой мази. Я много, много выписывал иодистого калия и много извергал страстных слов. Некоторых мне удавалось вернуть после первых шести втираний. Нескольким удалось, хотя большей частью и неполностью, провести хотя бы первые курсы впрыскиваний».

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://medlistok.com/frakastoro.asp>
2. Электронный ресурс. Режим доступа: http://ocr.krossw.ru/html/mopassan/mopassan-koukals_1.htm
3. Куприн А.И. Избранное. – Харьков : Вища школа. Изд-во при Харьковск. ун-те, 1988. - С. 160-434.

Но большая часть утекала у меня из рук, как песок в песочных часах, и я не мог разыскать их в снежной мгле. Ах, я убедился в том, что здесь сифилис тем и был страшен, что он не был страшен».

Долгими вечерами молодой врач вчитывается в амбулаторную книгу в поисках новых случаев опасного заболевания, особенно уделяя внимание детям и старикам, ставших жертвами бытового пути передачи сифилиса. Впервые в отдалении от города герой принимает решение использовать революционное средство того времени, обещающее выздоровление – сальварсан и добывается открытия отдельного отделения для сифилитиков. Известно, что в основу «Звездной сыпи» положен личный врачебный опыт М. А. Булгакова, который много времени и сил уделил борьбе с инфекционной патологией и венерическими заболеваниями в пору своей работы в качестве земского врача. Интересно, что Булгаков в период работы в уезде активно хлопотал об улучшении мер профилактики венерологических болезней; кроме того, он открыл в больнице небольшое венерологическое отделение [5, 6].

«В трех комнатах занесенного снегом флигелька горели лампы с жестяными абажурами. На постелях бельишко было рваное. Два шприца всего было. Маленький однограммовый и пятиграммовый – люэр. Словом, это была жалостливая, занесенная снегом бедность. Но... гордо лежал отдельно шприц, при помощи которого я, мысленно замирая от страха, несколько раз уже делал новые для меня еще загадочные и трудные вливания Сальварсана». И еще: «На душе у меня было гораздо спокойнее – во флигельке лежали семь мужчин и пять женщин, и с каждым днем таяла у меня на глазах звездная сыпь».

Сифилис представляет собой не только медицинскую, но и социальную проблему, о чем свидетельствует интерес к заболеванию как со стороны врачей, так и со стороны деятелей искусства, литераторов, художников. О сифилисе писали и продолжают писать. А произведения Вольтера (философская повесть «Кандид»), Т. Манна («Доктор Фаустус»), В. В. Маяковского (стихотворение «Сифилис»), И. Э. Бабеля («Конармия») занимают достойное место в библиотеках ценителей искусства и целителей людей.

4. Булгаков М.А. Избранные произведения: В 2 т. – Т. 1. -К.: Дніпро, 1989. - С. 546-622.
5. Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков. - К.: Здоров'я, 1991 - С. 189-191
6. Боробыкин В.Г. Михаил Булгаков. - М.: Промсвещение, 1991. - 208 с.